

УДК 902/904

ПРЕДКАРААБЫЗСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПРИБЕЛЬЯ (НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

© 2017 г. В.В. Овсянников

Статья посвящена историографической ситуации, сложившейся вокруг древностей Прибелья (Башкортостан) рубежа эпох бронзы и раннего железа. В центре внимания поселения типа курмантау и с раннешнуровой керамикой, существовавшие в долине р. Белой до формирования кара-абызской культуры. Автор рассматривает изменение взглядов исследователей на хронологию, культурную принадлежность и генетическую преемственность предкараабызских памятников, анализирует состояние проблемы в современной литературе.

Ключевые слова: предананьинская и ананьинская культурно-исторические области, Волго-Камье, Прибелье, маклашеевская, постмаклашеевская, кара-абызская культуры, курмантауский и ерзовский типы, керамика.

Атрибуция и хронологические позиции памятников рубежа эпох бронзы и раннего железа и начала раннего железного века (РЖВ) долины реки Белой (рис. 1), предшествующие образованию кара-абызской культуры, вызывали и продолжают вызывать достаточное количество вопросов. Дискутируются вопросы хронологии, терминологии (культура, тип, вариант и др.), происхождения и генетических связей.

Одна из первых «болевых точек» – проблема «культуры курмантау». Первый этап этой дискуссии приходится на период 50–60-х гг. XX в. Впервые это образование выделил К.В. Сальников (1954). Впоследствии он уточнил и развил свои взгляды (Сальников, 1967). Ареал культуры курмантау исследователь в основном распространял на все течение р. Белой, частично включая памятники Нижней Камы (Луговские курганы и стоянку II), Средней Волги (Маклашеевский II могильник) и среднее течение р. Уфы (Усть-Юрюзанская стоянка) (Сальников, 1967, рис. 56; рис. 61: 5–8, 18, 19).

Керамический комплекс выделенной им культуры К.В. Сальников описывал на основе только бельских памятников (селища Курмантау Нижнее¹, Куштау Западное, Демское, Кумлекуль и стоянка им. М.И. Касьянова). Среди основных признаков керамики курмантау названы «ясно выраженное горло и плечики, в глине примесь толченых раковин. *Выпады мелких кусочков раковин оставляют на поверхности характерные рябинки*» (курсив

мой – В.О.); «преобладающими элементами орнамента являются ряды отлогих (горизонтальных – В.О.) зигзагов, ... глубокие круглые ямки... густая мелкая елочка ... нанесенные резьбой «флажки»» (Сальников, 1976, с. 377).

Носителей культуры курмантау автор считал пришлым на территории Башкирии и указывал на их близость к населению синхронных памятников ерзовского типа (Сальников, 1962, с. 34; 1964, с. 81). В свою очередь В.П. Денисов, анализируя материалы Среднего Прикамья, также проводит близкие параллели между формами и орнаментацией керамики курмантау и ерзовской посудой первого типа, для которой были характерны примеси шамота и растительности (Денисов, 1961, с. 67, 68).

В сложении так называемого «бельского варианта» ананьинской культуры памятникам курмантау К.В. Сальников отводил «ведущую роль» (Сальников, 1967, с. 385, 386). Таким образом, хронологически памятники курмантау, по К.В. Сальникову, занимали предананьинский период или рубеж II–I тыс. до н.э. (Сальников, 1964, с. 82; 1967, с. 383–385, рис. 63: III).

А.В. Збруева согласилась, что бельские памятники (Курмантау, Куштау, Урняк и Демская) «представляли собой известное культурное единство» (Збруева, 1957, с. 32). Однако она высказалась категорически против включения в него луговских памятников, справедливо отмечая довольно резкие отличительные черты посуды Луговской II стоянки и одноименного могильника от керамики курмантау (Там же). При этом автор также возразила и против выделения приказанской

¹ В современной литературе принято мнение, что Курмантау Нижнее и стоянка им. М.И. Касьянова один и тот же памятник.

культуры (Там же, с. 35). В целом памятники луговского, приказанского и курмантауского типа А.В. Збруева включала в одну группу южных памятников, которые сыграли ведущую роль в формировании ананьинской культуры (Там же, с. 37).

А.Х. Халиков в ряде работ обосновал выделение приказанской культуры (1964; 1969; 1980). Помимо памятников казанского Поволжья в это образование им были включены памятники прилегающих районов Вятки. Ветлуги, Нижней и Средней Камы, а также Белой. Непосредственно памятники Прибелья исследователь относил к позднеприказанскому (маклашеевскому) периоду, не исключая появления приказанского населения на р. Белой и в атабаевский период (Халиков, 1969, с. 316). Таким образом, памятники Прибелья включались им в обширную предананьинскую общность рубежа II–I тыс. до н.э. В то же время им отмечалось некоторое своеобразие бельских памятников, отражающееся в орнаментации и примесях теста сосудов. В частности, исследователем указывалось на абсолютное преобладание сосудов с примесью ракушки (до 94%), и на господство в орнаменте посуды таких элементов, как резные и «прочерченные» линии в сочетании с однорядными ямочными вдавлениями (Там же). Несмотря на это, А.Х. Халиков не видел причин выделять бельские памятники предананьинского времени в особую археологическую культуру (Там же). Ерзовские памятники, близкие курмантау, он также включал в приказанскую культуру, относя их к атабаевскому и маклашеевскому этапам (Там же, с. 270, 271).

В своей последней работе, изданной уже после смерти исследователя, К.В. Сальников соглашается с объединением А.Х. Халиковым в одну «культурно-этническую общность» памятников типа курмантау Прибелья, Нижней Камы, приказанского Поволжья и ерзовской группы на Средней Каме, но настаивает на ряде особенностей бельских памятников, которые позволяют говорить об их самостоятельности в рамках этой общности (Сальников, 1967, с. 385).

В целом, авторы 50–60-х гг. XX в., писавшие о предананьинских памятниках Прикамья (А.В. Збруева, К.В. Сальников, А.Х. Халиков, В.П. Денисов и др.), отмечали сходство многих элементов их материальной культуры при некотором локальном своеобразии, а также считали их генетическими предшественниками ананьинской культуры. Хронологическую позицию предананьинских памятников они

оценивали также одинаково: рубеж II–I тыс. до н.э. Нерешенными оставались в основном вопросы терминологии: названия культур, определение их ареалов, соподчиненности – культура, вариант или тип и т.п.

Термины «бельское ананьино» или «бельский вариант» ананьинской культуры в этот период возникал лишь спорадически, так как памятников Прибелья, которые относились к ананьинским древностям, было тогда немного. А.В. Збруева, в частности, считала позднеананьинскими Уфимское и Кара-абызское городища (Збруева, 1952, с. 27), отмечая своеобразие их керамического материала (Там же, с. 71). А.Х. Халиков, в свою очередь, включает в бельский вариант семь поселений, основываясь на данных В.А. Иванова (Халиков, 1977, с. 15). При этом при характеристике материалов Бирского поселения (Там же, с. 239), в таблице керамики упоминаются еще два селища (Там же, рис. 92). Оставалась незамеченной публикация Р.Б. Ахмерова могильника у разъезда Правая Белая, который можно отнести к среднеананьинскому периоду (Ахмеров, 1952). Общая концепция об автохтонном происхождении всех вариантов ананьинской культуры, превалирующая на тот момент, позволяла надеяться на открытие новых ананьинских памятников и в Прибелье. Таким образом, в основном проблема виделась в малой изученности территории. На какое-то время прийти к консенсусу позволили введенные В.Ф. Генингом термины «ананьинская культурно-историческая общность» и «предананьинская культурно-историческая общность» (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 30).

Итог данному этапу исследований предкараабызских древностей Прибелья подвел в своей диссертации А.Х. Пшеничнюк (1973). По его мнению, «в период финальной бронзы на широкой территории Прикамья сложилась единая культурная общность. Это так называемые предананьинские памятники» (Там же, с. 225). К последним относились памятники приказанской культуры, а памятники курмантау, вместе с ерзовским типом, являются её вариантами (Там же).

На основе памятников курмантау в Прибелье сформировался бельский вариант ананьинской культуры, который, в свою очередь, стал базой для формирования караабызской культуры. К памятникам бельского варианта А.Х. Пшеничнюк отнес Уфимский могильник (по ул. Трактовой или разъезд Правая Белая), Бирское I городище, Бирское, Андреевское, Симкинское 1, Благовещенское

2 и Усть-Юрюзанское селища, а также нижние горизонты Биктимировского городища. Дата этих памятников была определена в пределах VIII–IV вв. до н.э. (Там же, с. 220–225).

Таким образом, к середине 70-х гг. XX в. в литературе утвердилось мнение о непрерывном генетическом развитии памятников Прибелья от курмантау до кара-абыза, на протяжении всей эпохи раннего железа; за памятниками Поволжья и Нижнего Прикамья закрепилось название позднеприказанских (маклашеевских), а за бельскими – курмантауских. Последнее вошло в изданную в 1976 г. «Археологическую карту Башкирии». Здесь в небольшом очерке «Культуры эпохи бронзы», написанном В.С. Стоколосом, выделен отдельный раздел «Культура курмантау», в котором изложены основные положения, разработанные К.В. Сальниковым, и приводится мнение о том, что курмантауская культура могла быть поздним продолжением приказанской культуры, распространенной в основном на территории Татарстана (АКБ, 1976, с. 21, 22). Это издание впоследствии стало «настойной книгой» для многих поколений археологов Южного Урала, что и закрепило в сознании большинства исследователей подобные культурные определения.

В вышеозначенный период исследователи основное внимание уделяли погребальным памятникам, так как этот вид древностей давал большие возможности для создания хронологии и выделения культурных особенностей. Поселенческий материал, как правило, описывался слишком обобщенно (в особенности керамические комплексы) и играл второстепенную роль в реконструкции историко-культурных процессов. Вследствие этого в изучении древностей территорий и областей, где могильники отсутствовали либо были представлены незначительно (в частности, Прибелье и Среднее Прикамье), нерешенными оставались вопросы как хронологии, так и культурных определений.

На рубеже 60–70 гг. XX в. в советской археологии начинает развиваться направление, связанное с применением математических и статистико-комбинаторных методов (Клейн, 1993, с. 34). Применительно к поселенческой керамике В.Ф. Генингом (1973) была разработана методика статистической обработки, которая была успешно применена целой генерацией исследователей на материалах Волго-Камья.

С их деятельностью связан следующий этап в изучении, в том числе и бельских предкара-

абызских древностей. В.А. Иванов в своей диссертации и ряде публикаций предложил несколько иное представление о культурно-исторических процессах в Прибелье на рубеже бронзы и раннего железа. (Иванов, 1977; 1978; 1982), опираясь на новые материалы, полученные с ряда бельских поселений (Васильев, 1975; Васильев, Горбунов, 1975; Васильев, Иванов, Обыденнов, 1985). Бельские памятники, относимые к культуре курмантау, он разделил на три территориальные группы: нижнебельскую, бирскую и касьяновскую (Иванов, 1977, рис. 1). На основании статистической обработки керамических комплексов поселений трех названных групп и сравнения их между собой автор пришел к выводу о разнокультурности рассмотренных комплексов. Нижнебельскую группу, на материале поселения Какры-куль, В.А. Иванов отнес к маклашеевскому этапу приказанской культуры, а бирскую (Бирское и Дуванейское поселения) и касьяновскую (стоянка им. М.И. Касьянова) – к типу курмантау (Иванов, 1978, с. 57; 1982, с. 55). При этом автор оговаривался, что «детальное сравнение» собственно маклашеевских и нижнебельских керамических комплексов невозможно «в силу состояния имеющегося в нашем распоряжении маклашеевского керамического материала» (Иванов, 1982, с. 57). Эта ситуация и на сегодняшний день остается актуальной: в литературе нет подробных статистических описаний керамических комплексов маклашеевских поселений Нижней Камы и Казанского Поволжья. В частности, в монографии «Угры Приуралья» В.А. Иванову не удалось привлечь какие-либо опубликованные керамические комплексы маклашеевской культуры Казанского Поволжья (Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 21). В целом обоснование выделения маклашеевской культуры в Волго-Камье пока не получило современного оформления, за исключением небольших статей (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32) и обобщающей работы М.Ф. Обыденнова (1998).

Другим принципиальным моментом в работах В.А. Иванова стал пересмотр хронологии памятников типа курмантау. На основании анализа датировок комплекса металлических предметов, полученных при раскопках стоянки им. М.И. Касьянова, была определена дата этого поселения в пределах VIII/VII–VI вв. до н.э. (Иванов, 1977, с. 98, 99; Васильев, Иванов, Обыденнов, 1985, с. 39). Таким образом, древности курмантау становятся синхронны раннеананьинским памят-

никам Прикамья и Поволжья, что позволило В.А. Иванову интерпретировать памятники курмантау, как «локализованную реликтовую группу, отчлененную от основной территории формирования предананьинской общности» (Иванов, 1982, с. 74).

Этот факт также позволил исследователю сделать вывод о невозможности участия носителей памятников типа курмантау в ананьинском, а затем и в кара-абызском культурогенезе. По мнению В.А. Иванова, раннешнуровой керамический комплекс не мог сформироваться на основе прибельских памятников, а появился в этом регионе в уже сложившемся виде, скорее всего, из районов Среднего Прикамья (Там же, с. 73, 74).

Выводы В.А. Иванова по типу курмантау были подвергнуты критике В.Ф. Генингом (1988, с. 58–60). Владимир Федорович особенно резко не соглашался с положением об отсутствии генетической связи между памятниками курмантау и ананьинскими (в данном случае раннешнуровым керамическим комплексом) древностями и об их синхронности, так как отстаивал ранее сформировавшуюся точку зрения о наличии единой генерации культур в Прибелье: курмантау – «бельское» ананьино – кара-абыз. В пользу этой точки зрения В.Ф. Генинг указывал на отсутствие памятников, где раннешнуровая керамика встречается совместно с курмантауской, забывая о Бирском и Касьяновском поселениях, к тому времени уже опубликованных. Датировку стоянки им. И.М. Касьянова VII–VI вв. до н.э. он просто отвергал, не приводя никаких аргументов (Там же, с. 59).

Возражая против вывода В.А. Иванова о пришлом характере шнуrowой керамики, В.Ф. Генинг приводит в пример такие памятники, как Андреевское селище, нижние горизонты Бирского I городища, а также шнуrowой керамический комплекс нижних слоев Биктимировского городища (Там же, с. 60). Эти факты, с его точки зрения, неопровержимо свидетельствуют о формировании кара-абызской культуры на базе «бельского» ананьино. Однако керамические комплексы вышечисленных памятников значительно отличаются и в культурном, и в хронологическом плане. Например, керамический комплекс Андреевского селища выглядит неоднородным даже на таблице, приведенной в монографии самого В.Ф. Генинга. Только часть сосудов имеют шнуrowую орнаментацию (Там же, рис. 12: 3, 5). Остальная керамика украшена рядами ямок и насечками по краю венчика

(Там же, рис. 12: 1, 2, 4, 6). Примесью в глине всей андреевской посуды служит органика (растительность), которая при обжиге придает характерную «пористость», образованную пустотами-кавернами от выгоревшей примеси. Подобная фактура и орнаментация близка поздней ерзовской посуде (Вечтомов, 1960, рис. 11). Коллекция, собранная на Андреевском селище А.П. Шокуровым в 1958 г. (АКБ, 1976, с. 119, № 969), имеет аналогичный облик (рис. 2). Тогда как для ранней караабызской керамики свойственна примесь раковины или песка в глине (Овсянников, 2014). Таким образом, материал этого памятника свидетельствует не о генетической связи шнуrowой и кара-абызской керамики, а о проникновении среднекамского (ерзовского) населения в Прибелье в раннеананьинский период.

Керамика нижнего горизонта Бирского I городища еще более разнородна. Там присутствует как раннешнуровой керамический комплекс с органической примесью – среднекамский (Пшеничнюк, 1973, рис. 31: 7–9), так и посуда постмаклашеевского облика с примесью раковины в тесте и гладкой поверхностью (рис. 3). Это та основа, на которой и сформировался раннекараабызский керамический комплекс. Нижние горизонты Бирского I городища свидетельствуют о совместном проживании в какой-то период на поселении носителей постмаклашеевской (нижнекамской) и раннешнуровой (среднекамской) традиций.

Нижние горизонты Биктимировского городища содержат шнуrowую керамику позднего облика, имеющую примесь раковины и лощеную поверхность. В количественном отношении она составляет не более трети от собственно кара-абызской керамики в тех же слоях (Савельев, 2011, с. 60).

Таким образом, материал указанных памятников отражает процессы более сложные, нежели те, которые укладываются в схему «бельское ананьино» – кара-абыз. Поэтому такое объединение выглядит совершенно механическим и имеет лишь один общий признак – шнуrowая техника нанесения орнамента. Интересно, что ниже В.Ф. Генинг совершенно справедливо упрекал А.Х. Пшеничнюка в «досадной методической ошибке», которая заключалась в механическом объединении всей керамики с орнаментом из пояска ямок в кара-абызскую культуру (Генинг, 1988, с. 60, 61).

В целом с позицией В.А. Иванова согласился в своих работах В.Н. Марков. С его точки зрения, для большей доказательности

В.А. Иванов мог бы провести типологическое членение керамики не только на уровне памятников, но и внутри них. В таком случае, по мнению В.Н. Маркова, удалось бы показать, что внутри так называемых «чистых курмантауских» комплексов содержится как маклашеевская, так и собственно курмантауская посуда (Марков, 2007, с. 50). По его мнению, маклашеевские комплексы бельских памятников послужили основой для сложения курмантауских (Там же).

В свою очередь, анализируя маклашеевские и постмаклашеевские керамические комплексы Прикамья и Прибелья, В.Н. Марков пришел к выводу, что памятники, относимые к типу курмантау, содержат керамические комплексы как маклашеевского, так и постмаклашеевского времени. На этом основании он предложил их датировать в пределах X–VI вв. до н.э. (Там же, с. 50). Быргындинские памятники (только прикамские), а также ерзовские исследователь предложил также синхронизировать с постмаклашеевскими и курмантаускими и рассматривать их как варианты единого культурного пласта раннеананьинского времени (Там же, с. 53).

Параллельно с «проблемой курмантау» в эти годы решался вопрос о генезисе, хронологии и культурной принадлежности ямочно-шнуровой керамики, воспринимающейся до сих пор как «классический» образец посуды ананьинского облика. Точки зрения В.А. Иванова и В.Н. Маркова на происхождение, хронологию и историческую роль носителей раннешнуровой керамики в Прибелье практически совпадают. Оба исследователя считают это население пришлым в Прибелье и никак генетически не связанным с памятниками типа курмантау, как это считалось ранее (Сальников, 1967, с. 385; Пшеничнюк, 1973, с. 226; Васильев, Горбунов, 1975, с. 156). Более того, появление носителей раннешнуровой керамики «расколело» единую постмаклашеевскую общность и вынудило курмантауское население уйти вверх по течению р. Белой, что собственно и стало причиной их культурного изоляционизма (Иванов, 1982, с. 74; Марков, 2007, с. 51). Появление раннешнуровой керамики в Бельском регионе В.А. Иванов отнес к раннеананьинскому времени, VIII–VI вв. до н.э. (Иванов, 1978, с. 80, 81). В.Н. Марков считал, что это произошло не ранее VI в. до н.э. (Марков, 2007, с. 53–56). Исходной территорией, с которой раннешнуровая керамика могла попасть в

Прибелье, В.А. Иванов рассматривает Среднее Прикамье (Иванов, 2007, с. 74).

Отказывая раннешнуровой керамике в местном – среднеприкамском – происхождении, В.Н. Марков обратил внимание на некоторое её сходство с гамаюнской посудой Зауралья и предложил обратить внимание на малоисследованные районы Северного Урала (Марков, 2007, с. 56).

В работах Л.И. Ашихминой памятники типа курмантау задействованы косвенно: часть из них включена в выделенную ею быргындинскую культуру X–IX вв. до н.э. (Ашихмина, 2014, с. 55). В это культурное образование автор включила поселения, выделенные В.А. Ивановым в нижнебельскую (маклашеевскую) группу и памятники переходного межовско-маклашеевского типа (Там же, с. 48). К ананьинской культуре она отнесла памятники нижнего течения р. Белой, где в слое присутствовала шнуровая керамика (Там же, с. 250, 251, рис. 38: 104, 111).

К настоящему моменту предложение Л.И. Ашихминой о выделении самостоятельной быргындинской культуры не поддержано исследователями, изучающими древности Прикамья (Обыденнов, 1998, с. 53; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 7, 8). Наиболее распространенным стал взгляд на быргындинские памятники как вариант постмаклашеевской общности (Марков, 2007, с. 50–53).

По концепции Л.И. Ашихминой, раннешнуровая керамика сформировалась на основе быргындинского керамического комплекса (Ашихмина, 2014, с. 86, 87). Наиболее раннюю шнуровую керамику она относит к VIII–VII вв. до н.э. и выделяет в зуювключевскую стадию с присущими только для неё характерными чертами (Там же, с. 71–73). Однако автор при этом не рассматривает собственно бельские материалы, хотя нижнебельские памятники, включены ею в быргындинскую культуру (Там же, рис. 19). Поэтому остается непонятным могло ли, с её точки зрения, нижнебельское население участвовать в сложении раннешнурового керамического комплекса.

В.Н. Марков, в свою очередь, отстаивая точку зрения о датировке шнуровой керамики не ранее VI в. до н.э., предложил выделенную Л.И. Ашихминой зуювключевскую стадию объединить с последующей каракулинской и датировать их в пределах «ранней стадии функционирования среднекамских могильников (Ананьинского, Котловского, Зуевского)», т.е. VI–V вв. до н.э. (Марков, 2007, с. 54).

Наиболее интересной для нашей проблематики в работе Л.И. Ашихминой является периодизация шнуровой керамики. К сожалению, при статистическом анализе материалы Прибелья были использованы ею лишь частично. В частности, значительная коллекция шнурового керамического комплекса Бирского поселения не вошла в статистические выкладки, которые на момент исследований были на должном уровне опубликованы и проанализированы И.Б. Васильевым и В.С. Горбуновым (1975). В публикации приведена таблица раннешнуровой керамики (Там же, рис. 3). По периодизации Л.И. Ашихминой её можно отнести к зуево-ключевской стадии (VIII–VII вв. до н.э.). Этому не противоречат формы сосудов, венчиков, а также сочетание шнуровой и насечковой техники нанесения орнамента. Таблицы распределения типов керамики по штыкам говорят о совместном залегании во 2 штыке шнуровой и курмантауской керамики. Последнее говорит об их синхронности. К этому выводу пришли и авторы публикации (Там же, с. 156).

Следует также отметить замечание авторов публикации о неразличимости шнурового и курмантауского комплексов по фактуре керамики (Там же, с. 154). Для обоих типов керамики характерна примесь раковины, шамота и органики (Там же, с. 151, 152). При этом при обжиге органическая (растительная?) примесь выгорала, оставляя на поверхности сосудов характерные пустоты – каверны.

Таким образом, на Бирском поселении зафиксирован наиболее ранний шнуровой керамический комплекс в Прибелье, синхронный зуево-ключевской стадии (VIII–VII вв. до н.э.), выделенной Л.И. Ашихминой на материалах Прикамья. Остальные памятники Прибелья, где зафиксирована раннешнуровая (сложношнуровая) керамика, содержат посуду, которую, по периодизации Л.И. Ашихминой, можно отнести к следующей, каракулинской, стадии (VII–VI вв. до н.э.). Это шнуровые комплексы посуды стоянки им. М.И. Касьянова (Иванов, 1982, рис. 6: 1, 2; Васильев, Иванов, Обыденнов, 1985, рис. 7: 3, 8, 9, 12, 13), Новобиктовского селища (Иванов, 1982, рис. 6: 3–5), Бирского I городища (Пшеничнюк, 1973, рис. 31: 7–9).

Кроме характерного сложношнурового орнамента раннеананьинская керамика (зуевоключевской и каракулинской стадий) Прибелья отличается от шнуровой посуды последующих стадий внешним видом поверхности. Ранняя посуда имеет «пористую» поверхность, обра-

зованную пустотами от выгоревшей органической примеси к тесту. Выше уже упоминалось наблюдение И.Б. Васильева и В.С. Горбунова о подобном признаке, характерном для шнуровой и курмантауской керамики. На эту черту посуды Прибелья обратила внимание ещё А.В. Збруева (1959, с. 54) при исследовании стоянки им. М.И. Касьянова. К сожалению, авторы публикаций редко обращают внимание на эту деталь, чаще всего ограничиваясь упоминанием примеси в глине, фиксируемой визуально. С составом примесей в глине, вероятно, связан и характер обработки поверхности посуды. Для бельской керамики курмантауского облика, также как и для раннешнуровой, характерно отсутствие лощения поверхности. Эта же черта характерна для раннешнуровых керамических комплексов Зуево-Ключевского I городища и Икского I селища (Ашихмина, 2014, с. 170, табл. V).

В.Н. Марков, аргументируя появление раннешнуровой керамики в Прикамье и Прибелье не ранее VI в. до н.э., опирался в своих выводах на материал нижекамских могильников, датированных в основном VI–V вв. до н.э. (Ананьинский, Котловский, Луговский, Зуевский), где встречена шнуровая керамика (Марков, 1997, с. 6). Однако в последнее время в литературе накапливаются сведения о среднекамских могильниках VIII–VI вв. до н.э. (Першинский и др.), содержащих раннешнуровую керамику (Голдина, 1999, рис. 81: 9–15; Чижевский, 2008, рис. 44: 2, 3, 5, 6). О более ранней дате, чем VI в. до н.э., говорят и материалы поселений. В частности, Е.М. Черных отметила, что в слое № 6 и ранних сооружениях Зуевключевского I городища раннешнуровая и посмакляшевская посуда залегает совместно (Черных, 2009, с. 79). Подобное наблюдается и на Зуевключевском II, Усть-Нечкинском, Партизанском II и Дербешкинском поселениях Прикамья (Там же).

В этом ключе крайне интересной является находка рубежного (финал бронзы/раннее железо) керамического комплекса в слое Ново-Байрамгуловского 1 (Бакшай) поселения, расположенного в верховьях р. Урал в Башкирском Зауралье. Как показали многолетние исследования, в целом материалы памятника не выходят за пределы поздней бронзы (Рафикова, 2013). В 2013 г. на поселении была вскрыта часть котлована, резко отличающегося по содержанию грунта и находкам от основной исследованной площади памятника. Основная масса находок из котлована была встречена в нижней части, возле дна и состояла из фраг-

ментов керамики межовского и саргаринского типов, среди которых были встречены три фрагмента, отнесенных автором публикации к типу курмантау (рис. 4). Автор публикации наглядно демонстрирует стратиграфическую обособленность и поздний характер сооружения, из которого происходит данный материал. Этот факт привлекает внимание тем, что это единственная из опубликованных и атрибутированных находок среднекамской керамики в Зауралье. Благодаря качественной публикации можно заключить, что два из названных как «курмантауские» сосудов более близки ерзовской посуде, к самым ранним ее формам (рис. 4: 2, 3). Другим примечательным фактом этой находки является наличие шнуровых элементов на довольно типичных по форме и орнаменту ерзовских сосудах (рис. 4: 2, 3). Данная находка не только еще раз подтверждает данные о приуральско-зауральских связях на рубеже ПБВ–РЖВ, но и подчеркивает довольно раннее появление элементов шнуровой орнаментации, возможно, уже в финальной бронзе.

Подводя итоги данного этапа, можно констатировать, что в 80-е гг. XX в. В.А. Иванову (1982), Л.И. Ашихминой (1985) и В.Н. Маркову (1988) удалось значительно расширить наши знания и понимание археологического материала, связанного с ананьинским культурным миром. Исследователи с помощью новых методических приемов обработали ранее скупо описанный массовый поселенческий материал и использовали полученные данные для культурно-исторических построений. Статистический метод описания керамического материала позволил от умозрительных и порой интуитивных выводов предшественников перейти к строго оцениваемым критериям, которые, в свою очередь, давали возможность определять в количественных значениях степень близости рассматриваемых керамических комплексов.

К концу XX века благодаря этим работам в литературе утвердилось представление о предананьинской и ананьинской общностях как сложных и многоэтничных образованиях. Процесс формирования ананьинских групп памятников представлялся уже не как поступательный эволюционный путь развития от периода финальной бронзы до начала эпохи раннего железа (автохтонная гипотеза), а как сложная череда миграций внутри Волго-Камского региона.

Применительно к памятникам Прибелья в этот период было доказано и утвержде-

но в литературе положение о генетической связи маклашеевских памятников Прикамья и Нижней Белой. Определено своеобразие памятников типа курмантау как отделившейся группы маклашеевского населения и в условиях дальней периферии сохранившей ряд черт маклашеевской культуры в постмаклашеевское время (VIII–VI вв. до н.э.).

Второе важное положение, доказанное в ходе исследований, – отсутствие генетической связи в Прибелье между керамикой типа курмантау и раннешнуровой посудой. В вопросе происхождения и времени появления шнуровой керамики в Прикамье, как было показано выше, мнения исследователей разделились.

Третье – В.А. Иванов предложил, а В.Н. Марков согласился с отказом от выделения самостоятельной культуры курмантау (Иванов, 1982, с. 74; Марков, 2007, с. 50). В результате курмантауские памятники понимаются как отдельный вариант (тип) в рамках постмаклашеевской общности и датируются в пределах VIII–VI вв. до н.э.

В последующий период 90-х гг. XX в. и начале «нулевых» дискуссия на время затихает. Продолжается накопление материалов. При этом авторы публикаций пользуются уже устаревшим на тот момент понятием как «культура курмантау» без учета вышеприведенного мнения В.А. Иванова и В.Н. Маркова (Обыденнов, 1997, с. 98; Обыденнов, Обыденнова, 1998, с. 31, 38; Котов, Савельев, 2003, с. 128, 129; Овсянников, 2004, с. 88, 92; Гарустович, Савельев, 2004 с. 97; Морозов, 2004; Савельев, 2010, с. 240; 2011, с. 48, 51). Сказалось влияние «настойной книги» археологов Южного Урала – «Археологической карты Башкирии», где, как указывалось выше, курмантауские памятники всего Прибелья были объединены в самостоятельную культуру финальной бронзы. Большинство авторов при этом относят памятники курмантау к эпохе раннего железа, а часть – к финалу ПБВ. М.Ф. Обыденнов рассматривает памятники курмантау как один из вариантов маклашеевской культуры финальной бронзы, при этом соглашается с датировкой, предложенной В.А. Ивановым и В.Н. Марковым (Обыденнов, 1997, с. 68; 1998 с. 66)

Н.С. Савельев обращает внимание на такой характерный признак поздних поселений курмантау, как обеднение орнамента на посуде памятников среднего и верхнего течения р. Белой (поселения Азануй, Акаваз-1, Ташмурун, Максютново II, Акбердино-3, стоянка им. М.И. Касьянова). В одной из статей (Гарусто-

вич, Савельев, 2004, с. 111, диаграммы 1-2) автор приводит диаграммы распределения элементов орнамента стоянки им. М.И. Касьянова по горизонтам, основываясь на опубликованных данных (Васильев и др., 1985). На диаграмме 1 видно резкое падение в процентном соотношении встречаемости сложных элементов орнамента на керамике, начиная со 2 штыка (Гарустович, Савельев, 2004, с. 111, диаграмма 1).

Это наблюдение подтверждается материалами того же памятника, но в материалах А.В. Збруевой 1954 г. (Збруева, 1959; Збруева, Тихонов, 1970, с. 103–112). Раскоп, заложенный А.В. Збруевой, находился в несколько иных топографических условиях, нежели раскопы 1975–1977 гг. В частности, раскоп 1954 г. был заложен на склоне, и в его нижней (западной) части была зафиксирована стерильная прослойка (илистые наносы – по определению автора раскопок), делившая культурный слой с курмантаускими древностями на два неравных горизонта. В более мощном (около 0,4 м) нижнем горизонте собрана керамическая коллекция из 31 сосуда (Збруева, Тихонов, 1970, с. 104). Все сосуды орнаментированы. В орнаментации этой части сосудов представлено все богатство элементов, характерных для большинства посуды этого памятника, в том числе и шнуровой орнамент (Там же, с. 104, 105). Тогда как в верхнем горизонте, меньшим по мощности (не более 0,2 м), встречены фрагменты лишь «пяти сосудов с более простым и бедным орнаментом» (Там же, с. 105).

Это важное наблюдение позволило Н.С. Савельеву по характеру орнаментации выделить ранние и поздние курмантауские памятники (Гарустович, Савельев, 2004, с. 112–117). К ранним памятникам автором отнесены стоянки им. М.И. Касьянова и Максютново II. Стоянка Азануй, по мнению Н.С. Савельева, занимает промежуточную позицию. К поздним памятникам относятся Акаваз I и Саказка. Нижняя дата для всех памятников устанавливается по материалам стоянки им. М.И. Касьянова – VII–VI вв. до н.э. Верхнюю дату поздних памятников Н.С. Савельев считает возможным поднять до V–IV вв. до н.э. (Там же, с. 117).

В пользу этого, по мнению автора, свидетельствует нахождение в культурных слоях этих поселений керамики иткульской культуры (Котов, Савельев, 2003, с. 128, 129; Гарустович, Савельев, 2004, с. 111–113; Савельев, 2010, с. 239). Иткульская посуда в верхних Белой, по мнению Н.С. Савельева, дол-

жна датироваться серединой I тыс. до н.э. (V–IV вв. до н.э.) (Гарустович, Савельев, 2004, с. 113). Также Н.С. Савельев обращает внимание на находки вещей этого времени на курмантауских памятниках в среднем и нижнем течении р. Белой (железный кинжал и бронзовый наконечник на стоянке им. М.И. Касьянова и ножка от каменного савроматского жертвенника на поселении Кюнь II) (Там же, с. 113).

Выход коллективной монографии «Угры Предуралья» (Белавин и др., 2009), где во 2 и 3 главах В.А. Иванов представил этнокультурные процессы финала ПБВ и РЖВ в Прикамье, вызвал новый виток дискуссии по проблеме предананьинских и ананьинских древностей. В этой монографии В.А. Иванов использует и развивает разработки, сделанные им в начале 80-х гг. XX в. В отличие от ранних работ курмантауские памятники он выделяет в культуру, включая ее в предананьинскую общность наряду с маклашеевской, ерзовской и быргындинской (Там же, с. 29, рис. 2). Материалы ерзовских поселений были статистически обработаны автором и включены в общую систему подсчета по уровню сходства керамических комплексов (Там же, с. 21, табл. 4).

При анализе полученных коэффициентов сходства у автора возникает некоторая путаница с культурной атрибуцией бельских памятников. Первоначально к курмантауской культуре отнесены стоянка им. М.И. Касьянова и Бирское поселение, а к маклашеевской – поселения Какры-куль и Куштиряк (Там же, с. 19). Далее Какрыкульское и Бирское поселение отнесены к маклашеевской культуре (Там же с. 21), ниже к ней же добавляется Дуванейское поселение (Там же, с. 25). На схеме расположения предананьинских культур в Прибелье обозначены два культурных ареала (Там же, с. 29, рис. 2). В нижнем течении р. Белой только на правом берегу – ареал маклашеевской культуры (южная граница, видимо проходит где-то у г. Бирска). В среднем течении – ареал культуры курмантау (северная граница южнее г. Уфы, южная – примерно на широте г. Мелеуза). Таким образом, неясным становится положение бирской группы памятников – на схеме они не включены в ареалы выделенных культур. В тексте говорится о маклашеевской принадлежности керамических комплексов Бирского и Дуванейского поселения. Так или иначе, бирская группа памятников Прибелья, ранее включавшаяся автором в тип курмантау (Иванов, 1977, с. 95, рис. 1), теперь отнесена им к маклашеевской культуре. В составе культуры курмантау В.А. Иванов упоминает

стоянку им. М.И. Касьянова (вероятно, вместе с ней и все памятники ранее им выделенной касьяновской группы). Так же как и памятники верхнего течения р. Белой, выявленные и исследованные в последнее время (поселения Акаваз I, Азануй и Максютново II), хотя на схеме территория размещения этих памятников в ареал культуры не включена (Белавин и др., 2009, с. 29, рис. 2). Статистические данные, приведенные в работе, ясности в эту ситуацию не добавляют. Хронологические параметры курмантауских памятников оставлены без изменений – VII–VI вв. до н.э.

Во второй главе монографии керамический материал Касьяновского поселения рассматривается на фоне раннеананьинских памятников. По статистическим данным керамика курмантау (Касьяновское поселение) обнаруживает высокое типологическое сходство с одной стороны с керамикой ерзовской культуры (поселения Ерзовка, Заюрчим и Сосновка IV), с другой стороны – с группами памятников раннеананьинского периода: Кама II (городище Каменный лог) и Кама III (Заюрчимское VI поселение). На этом основании делается вывод о том, что носители ерзовской культуры выступили «одним из этнокультурных субстратов для курмантауского населения» (Там же, с. 42). Далее автором подтверждаются ранее сделанные выводы о хронологической позиции древностей курмантау (VII–VI вв. до н.э.), об отсутствии генетической связи с раннешнуровым керамическим комплексом и о вынужденной миграции в верхнее течение р. Белой в связи с приходом в Прибелье носителей раннешнуровой керамики (Там же, с. 42–44).

Таким образом, по сравнению с предыдущими работами В.А. Иванов, вновь возвращается к выделению древностей курмантау в самостоятельную культуру и сдвигает ее ареал далее к югу, в том числе и в верхнее течение р. Белой. Ранее выделенные им нижнебельская и бирская группы отнесены к маклашеевской культуре. Сделан вывод об участии среднекамского (ерзовского) населения в формировании культуры курмантау.

С.Н. Коренюк, А.Ф. Мельничук, М.Л. Перескоков в одной из статей, посвященных дискуссии, вызванной выходом монографии «Угры Предуралья», высказали сомнения по поводу датировки памятников типа курмантау VII–VI вв. до н.э. (Коренюк и др., 2014, с. 125). Основным аргументом в пользу своей позиции авторы считают то, что «эти вещи (имеются в виду датирующие наход-

ки – В.О.) найдены в перемешанных слоях, в которых присутствует и раннеананьинская керамика» (Там же). Также авторы указывают на отсутствие «хроностратиграфических исследований», которые могли бы доказать «хронологические позиции чистого комплекса курмантауских древностей» (Там же).

По поводу приведенных цитат, со своей стороны хочется выразить удивление. В археологической литературе последних лет, кроме указанных авторов, никто не высказывал недоверия к датировке памятников курмантау раннеананьинским периодом. В свое время такое же недоверие было высказано только В.Ф. Генингом, но без конкретной аргументации (см. выше).

Принятие даты VII–VI вв. до н.э. для стоянки им. М.И. Касьянова многими исследователями обусловлено четкой аргументацией, которая была приведена при публикации материалов памятника (Васильев и др., 1985). Согласно материалам статьи, была исследована центральная площадка памятника с максимальными культурными отложениями. Каких-либо перекопов, перестроек или перекрывающих друг друга построек в раскопе не зафиксировано. В центре раскопа исследовано лишь одно сооружение, видимо, связанное с металлообработкой, чем обусловлено значительное количество металлических предметов, давших указанную дату (Там же, с. 25, рис. 2). Культурный слой памятника делится на два стратиграфических горизонта. Верхний – коричневый гумус, мощностью 15–30 см содержал небольшое количество находок (Там же, с. 26). Нижний горизонт – темно-серый гумус, мощностью от 15–20 см до 60–80 см насыщен большим количеством находок (Там же).

О стратиграфической сохранности культурного слоя говорит четкая граница между верхним и нижним горизонтами (Там же, с. 26, рис. 3). Верхний горизонт не нарушает нижний, все сооружения, канава и столбовые ямки относятся к нижнему горизонту (Там же, с. 25, рис. 2).

Аналогичная картина наблюдалась и в раскопе 1954 г. (Збруева, Тихонов, 1970, рис. 22). Здесь верхний (первый) горизонт описывается как «серая гумусированная супесь с галькой» (Там же, с. 104). Нижний (второй) горизонт делился на два участка, так как раскоп 1954 г. был расположен близко к склону. Верхний участок второго горизонта состоял из «светлого золистого культурного слоя». Нижний участок второго горизонта отделялся

от первого (верхнего) горизонта стерильной прослойкой и состоял из темно-окрашенного слоя с большим количеством находок (Там же). Выше уже упоминалось, что сравнение керамики нижнего и верхнего горизонтов из раскопа 1954 г. показало, что оба горизонта содержат культурные остатки курмантауского облика, а также то, что керамический материал верхнего резко отличается от нижнего горизонта.

В публикации материалов 1975–1977 гг. стоянки им. М.И. Касьянова приведена таблица распределения индивидуальных находок по горизонтам, которая демонстрирует, что наиболее ранние предметы (кремневые наконечники дротиков) найдены в нижней части курмантауского слоя (Васильев и др., 1985, с. 32, табл. 1).

В рукописи отчета И.Б. Васильева и В.А. Иванова об исследованиях памятника в 1975 г. упоминается также железный нож, который был найден в скоплении камней совместно с бронзовыми браслетом и шилом и двумя фрагментами тиглей, включенных в таблицу при публикации материалов памятника (Васильев, Иванов, 1975, с. 5).

Таблица распределения орнаментальных мотивов на керамике по штыкам, также демонстрирует стратиграфическую сохранность горизонтов (Васильев и др., 1985, с. 37, табл. 3). Данные таблицы свидетельствуют о том, что раннешнуровая керамика в основном сосредоточена во 2 и 3 штыках из исследованных пяти и отсутствует в 1 штыке, что никак не может свидетельствовать о «перемешанности» культурного слоя. Иначе подобную закономерность не удалось бы выявить.

В целом на основе анализа стратиграфической ситуации на стоянке им. М.И. Касьянова можно сделать следующие выводы. На памятнике выделяются два хронологических горизонта. Нижний слой – связан с функционированием производственной площадки. К нему относятся все выявленные сооружения, большая часть керамического материала, в том числе и со шнуровой орнаментацией, а также металлические предметы, дающие дату VII–VI вв. до н.э. Верхний слой – более тонкий и слабо насыщенный находками. Керамический материал характеризуется бедностью орнамента, в том числе и отсутствием шнура. Вероятно, он сформировался после прекращения металлообрабатывающей деятельности в этом пункте, но курмантауское население продолжало использовать этот участок террасы. Верхняя дата этого слоя остается

открытой в связи с отсутствием в нем датирующих вещей. Железный меч, найденный в шурфе на этом же участке террасы, вряд ли имеет отношение к функционированию здесь курмантауского поселения. Скорее он связан с ритуальной деятельностью кочевого населения, пришедшего в данный район позднее (Савельев, 2016, с. 243).

Подобная картина наблюдается на другом памятнике, где раннешнуровая керамика встречается совместно с курмантауской (маклашеевской). В публикации Бирского поселения приведены таблицы распределения культурных групп керамики по штыкам (Васильев, Горбунов, 1975, с. 154, табл. 2, 3). Из них следует, что ананьинская (раннешнуровая) и курмантауская (маклашеевская) керамика залегает совместно в нижних горизонтах памятника при преобладании раннешнуровой керамики. При этом стратиграфическая сохранность слоев подтверждается расположением более ранней черкаскульской (межовской) и более поздней бахмутинской керамики. Первая четко уменьшается от нижнего слоя к верхнему. Присутствие второй нарастает в верхних штыках (Там же). В отличие от Касьяновской стоянки на Бирском поселении не встречен датирующий материал, хотя стратиграфия поселения вполне достоверно свидетельствует о синхронности раннешнурового и курмантауского (маклашеевского) керамических комплексов на данном памятнике.

Знакомство с другими работами С.Н. Коренюка и А.Ф. Мельничука (1992) объясняет их стойкое нежелание принимать омоложение курмантауских древностей. При публикации материалов Заосиновского VI поселения авторы указывают на «определенные связи» ерзовских древностей II стадии с курмантауским керамическим комплексом. Вторую стадию ерзовской культуры они вслед за В.П. Денисовым датируют X–IX вв. до н.э. (Там же, с. 65). Близость ерзовских и курмантауских древностей отмечалась исследователями еще в 60-х гг. прошлого века (Бадер, Кадилов, 1957, с. 155; Денисов, 1967, с. 41). На этом основании В.Н. Марков предложил расширить хронологические рамки второго этапа ерзовской культуры и датировать его в пределах раннеананьинского периода (Марков, 2007, с. 51).

Следующий, третий, этап авторы относят к «финальной предананьинской стадии ерзовской культуры (Коренюк, Мельничук, 1992, с. 65). На этом этапе отмечается влияние гаманских керамических традиций на ерзовскую

посуду (Там же). При этом авторы указывают на появление гамаюнской керамики в Прикамье на рубеже IX–VIII в. до н.э. Последняя дата не может быть ни доказана, ни опровергнута. Так как основной исследователь гамаюнской культуры В.А. Борзунов, указывал период IX–VIII вв. до н.э. лишь как возможное время проникновения гамаюнского населения на Среднюю Каму, опираясь на выводы того же В.П. Денисова (Борзунов, 1984, с. 6). Тогда как Л.И. Ашихмина отнесла керамику, совмещающую черты гамаюнской и раннешнуровой традиций, к зуювключеской (VIII–VII вв. до н.э.) стадии ананьинской культуры (Ашихмина, 2014, рис. 40: 11–13). Аналогичная посуда опубликована и в материалах Заосиновского VI поселения (Коренюк, Мельничук, 1992, рис. 5: 4, 5). Авторами публикации она отнесена к третьей стадии ерзовской культуры.

Таким образом, следуя разработкам В.А. Иванова, В.Н. Маркова и Л.И. Ашихминой, ерзовские древности, по крайней мере, II и III стадии, с большой долей уверенности могут быть отнесены к раннему этапу существования ананьинской культурно-исторической области, т.е. к VIII–VII вв. до н.э., а с учетом последних разработок в ананьинской хронологии к IX–VII вв. до н.э. (Коренюк, 2000, с. 75; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 102). Таким образом, неприятие омоложенной даты курмантау связано у С.Н. Коренюка и А.Ф. Мельничука с нежеланием пересмотреть хронологические позиции ерзовских древностей, а не с мифической «перемешанностью» культурного слоя стоянки им. М.И. Касьянова.

В целом динамика представлений о предкараабызских памятниках Прибелья напрямую связана с изменениями взглядов на ананьинские древности. На момент выделения культуры курмантау (1954 г.) до начала 80-х гг. прошлого века превалировали взгляды об эволюционном развитии древностей Волго-Камского региона от бронзового века до эпохи раннего железа включительно. В этом ключе ананьинская культура в целом рассматривалась как единое, автохтонное образование, сложившееся на основе предшествующих культур эпохи финальной бронзы (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 30). Для Прибелья это значило, что развивалась единая генерация культур: курмантау (маклашеевский этап) – бельский вариант ананьинской культуры – кара-абызская культура. Дискуссии велись только вокруг названий культур и их хронологических позиций.

Исследования на основе идеи единства и автохтонизма ананьинских древностей и её вариации продолжались и позже (Генинг, 1988; Голдина, 1999). Сейчас сторонником местного эволюционного развития и единства ананьинской культуры (общности) продолжает выступать С.Н. Коренюк (2000, с. 68), который в целом отрицает роль миграционных процессов в смене культурных традиций, в частности гончарных (Коренюк, Мельничук, 1992, с. 70). Исходя из представлений сторонников этого направления, курмантауские памятники относятся к эпохе финальной бронзы и являются генетической базой для бельского варианта ананьинской культуры, которая, в свою очередь, выступает таковой для кара-абызских древностей.

В 80-х гг. прошлого века начинает формироваться взгляд на ананьинские древности как на разнокультурное и разноэтничное образование (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 30). Такой подход предполагает и взаимовлияние, и ассимиляцию, и миграции как внутри региона, так и извне. Этот подход был обоснован по большей части применением новых методов: анализ металлообработки и планиграфии могильников (С.В. Кузьминых), статистико-комбинаторные методы (В.А. Иванов, В.Н. Марков). Касательно Прибелья наиболее детально эти процессы исследованы и продолжают разрабатываться В.А. Ивановым. В настоящее время этот подход к изучению ананьинских древностей развивается А.А. Чижевским.

Конкретно по материалам Прибелья ананьинского времени продолжает исследования Н.С. Савельев. В одной из недавних работ им было сформулировано общее видение историко-культурных процессов в Прибелье накануне образования караабызской культуры (Савельев, Яблонский, 2014, с. 483–485). В частности, он видит в этот период две миграционные волны. Первая связана со Средней Камой – носителями «раннешнуровой» керамики. По мнению Н.С. Савельева, это были небольшие группы, «не оставившие ни одного «чистого» памятника» и ассимилированные курмантауским населением (Там же, с. 483). При этом автор говорит все-таки об уходе носителей типа курмантау «на северо-восток в пределы таежного Уфимского плато» и «на юго-восток, в верховья р. Белая» (Там же). О миграции носителей типа курмантау в верховья р. Белой выше уже неоднократно упоминалось. Здесь действительно формируется какая-то территориальная группа этого

населения. Уход же курмантауского населения на северо-восток не фиксируется археологически. Н.С. Савельев здесь ссылается на А.Х. Пшеничнюка, который считал, что Усть-Юрюзанская стоянка оставлена курмантауским населением (Пшеничнюк, 1973, с. 222). Однако одна из групп керамики этого памятника хоть и близка курмантауской, но скорее опосредовано. По формам сосудов и особенно по орнаментации эта посуда ближе керамике быргындинских и ерзовских памятников (Ашихмина, 2014, рис. 24, 25; Вечтомов, 1960, рис. 10, 11; Бадер Н., 1960, рис. 3; Коренюк, Мельничук, 1992, рис. 3, 4). Эти памятники с Усть-Юрюзанской стоянкой сближает также значительное количество сосудов, имеющих синкретичные гамаюно-камские черты в орнаментации. Поэтому, на мой взгляд, стоянка Усть-Юрюзань – свидетельство продвижения, скорее всего, среднекамского населения на юг по р. Уфе, чем курмантауского на северо-восток. Тем более что это продвижение совпадает с общим направлением миграции среднекамского населения на юг и юго-запад в бассейн р. Белой, свидетельством чему являются также такие памятники, как Андреевское, Ново-Биктовское селища, которые как раз и можно считать «чистыми» памятниками среднекамского населения на р. Белой.

Вторая и более поздняя миграционная волна в Прибелье датируется Н.С. Савельевым рубежом VI–V в. до н.э. и связывается в целом с постмаклашевским населением Усть-Камья и прилегающих районов Поволжья, которая и привела к образованию карабызской культуры. При этом автор считает выделение «раннекарабызского» керамического комплекса не вполне удачным, так как это та же самая «ямочно-насечково-гребенчатая» керамика Прикамья и Поволжья (Савельев, Яблонский, 2014, с. 483). Если с первым положением я полностью согласен, то второе – вызывает ряд замечаний. В качестве примера «раннекарабызской» керамики автор приводит небольшой керамический комплекс, собранный им на поселении Акбердино-3 (оно же Акбердино I), отмечая, что он встречен совместно с посудой курмантауского и иткульского облика (Там же, с. 483, рис. 4: 9–16). Однако приведенная исследователем керамика по орнаментальной традиции и по фактуре скорее близка уже упоминавшейся среднекамской посуде. Отличия постмаклашевского и раннекарабызского керамических комплексов и обоснование выделения последнего я попытался разобрать в отдель-

ной статье, посвященной публикации наиболее показательного раннекарабызского поселения – селища Воронки (Овсянников, 2014).

Подводя итог, отметим следующее. Прибелье, безусловно, являлось своеобразной контактной зоной для основных составляющих ананьинской культурно-исторической области. С одной стороны, это носители маклашевских/постмаклашевских культурных традиций, основным ареалом, которых является казанское Поволжье и прилегающая часть низовий Камы, с другой – население Средней Камы, носители быргындинских, ерзовских и шнуровых керамических традиций. В ранний период существования АКЮ и в начале среднего периода (IX/VIII–VI вв. до н.э.) Прибелье являлось территорией, где взаимодействовали два миграционных потока: маклашевский с северо-запада и среднекамский с северо-востока. В различные периоды и на различных участках Прибелья могла доминировать та или иная группа населения, либо сосуществовали различные группы. Таким образом, речь о поступательном и эволюционном этнокультурном развитии региона уже не идет.

По материалам бельских поселений фиксируется следующая ситуация: в нижнем течении от устья р. Белой до устья р. Быстрый Танып преобладает маклашевская/постмаклашевская керамическая традиция (рис. 1). Нижнебельские памятники В.А. Иванов относит к маклашевской культуре (Белавин и др., 2009, с. 19–21). В.Н. Марков на этих же поселениях прослеживает и постмаклашевскую керамическую традицию (Марков, 2008, рис. 49–51, 57: 101, 112). Находка на поселении Кюнь II ножки савроматского жертвенника не противоречит этому выводу (рис. 1: 4).

На участке между устьями рек Быстрый Танып и Уфа исследованы поселения как с преобладанием маклашевской традиции (Дуванейское), так и смешанные маклашевско-среднекамские (Бирское), а также памятники с преобладанием среднекамской/сложношнуровой традиции (Андреевское, Ново-Биктовское). Памятники с маклашевскими традициями были выделены В.А. Ивановым в бирскую группу и первоначально отнесены к культуре курмантау (Иванов, 1977, с. 95, рис. 1), сейчас они также отнесены к маклашевской культуре (Белавин и др., 2009, с. 19–21).

На этом участке Прибелья (от устья Б. Таныпа до устья Уфы) плотность поселений с маклашевскими традициями резко пада-

ет по сравнению с нижнебельским районом. Говорить о плохой изученности территории здесь не приходится. В 2007 г. было проведено сплошное обследование территории г. Бирска и его окрестностей. Открыт ряд новых памятников, среди которых нет ни одного, относящегося к интересующему нас типу (Амбулатов и др., 2010). Зато в этом районе известны памятники с посудой близкой среднекамской (рис. 1: 11, 14, 15). Пути проникновения сюда среднекамского населения пока неясны. Можно лишь предположить, что они продвинулись из бассейна р. Уфы, где известны памятники со среднекамским материалом (рис. 1: 38, 39), так как дороге напрямую через устье р. Белой могло воспрепятствовать плотное население с маклашеевскими традициями.

Памятники, расположенные в районе устья р. Уфы и в верхнем течении р. Белой содержат керамику, продолжающую маклашеевские традиции, но относящиеся к периоду не ранее VII в. до н.э. Первоначально эту небольшую группу (включая бирскую и касьяновскую) памятников В.А. Иванов выделял в «самостоятельную курмантаускую культуру» (Иванов, 1978, с. 57). Затем чуть позже – в культурный тип, указывая, что понятию «курмантауская археологическая культура» не соответствует «объем имеющегося материала, площадь и количество выявленных и следованных памятников» (Иванов, 1982, с. 74). В коллективной монографии опять появляется термин «курмантауская культура» (Белавин и др. 2009, с. 19, 21, 25). Судя по неоднократным ссылкам на публикации памятников верховьев р. Белой с курмантаускими материалами, их появление дало возможность автору вернуться к давней идее. Однако, как уже упоминалось, из памятников курмантау он исключил Бирскую группу.

Таким образом, в сущности, количество курмантауских памятников сильно не увеличилось. Касьяновская группа, спустя много лет, осталась в прежнем составе. Памятники верховьев Белой, как показали исследования Н.С. Савельева, также можно выделить в отдельную группу в составе памятников курмантау. Однако что представляют собой эти археологические объекты? Большинство из них – следы сезонных поселений с бедным культурным слоем, без признаков постоянных жилищ и хозяйственных объектов (Ташмурун, Акаваз-1, Саказка и др.).

К числу «базовых» поселений (с насыщенным находками культурным слоем, следами жилищ и хозяйственных сооружений) в верховьях

р. Белой можно отнести Азануй со следами жилища и остатками металлообработки и Максютново II, где также исследованы остатки жилища и также имеются следы металлообработки (Обыденнов, 1997, с. 35). На основе анализа керамического материала Н.С. Савельев показал, что эти поселения разновременны. На современном уровне исследованности данного микрорайона можно говорить о том, что он был освоен, скорее всего, лишь одной небольшой группой курмантауского населения, обитавшего здесь довольно длительное время.

Низкая плотность курмантауского населения к югу от устья р. Уфы подтверждается также полевыми исследованиями автора данной статьи. Обследовав в течение нескольких полевых сезонов участок правобережья р. Белой от устья р. Уфы до устья р. Сим (расстояние между ними по прямой 35 км), среди многочисленных памятников, относящихся в основном к карабызской культуре, было найдено лишь одно поселение с курмантауским материалом – Акбердинское I (Акбердино-3) (Овсянников, Пшеничнюк, 2007). Данный памятник может быть отнесен к «базовым» поселениям. Здесь имеется довольно насыщенный слой и следы металлообработки. Ввиду незначительной исследованности следов жилищ не обнаружено (Овсянников, 2005, с. 89–92; Савельев, 2010, с. 236–240). В целом по характеру керамического материала и присутствию в комплексе поселения раннешнуровой и иткульской керамики памятник в целом синхронен стоянке им. М.И. Касьянова и может быть включен в так называемую «касыновскую» группу курмантауских памятников.

Учитывая все вышесказанное, я склонен согласиться с мнением В.А. Иванова о включении в курмантауские лишь памятников, расположенных южнее устья р. Уфы, при этом выделяя их в тип, а не в культуру. Поскольку они были оставлены малочисленным населением, постепенно вытесняемым в верховья р. Белой мигрантами с Нижней и Средней Камы. Окончательно носители типа курмантау могли быть вытеснены со среднего течения р. Белой постмаклашеевскими (раннекарабызскими) нижнекамскими группами населения. С одной стороны, часть из них могла раствориться в среде пришельцев, как это в свое время предполагал А.Х. Пшеничнюк (1982, с. 103, 104), другая часть, как полагает Н.С. Савельев, могла продвинуться в верховья р. Белой и дожить до рубежа V–IV вв. до н.э.

Таким образом, накануне образования кара-абызской культуры в Бельском регионе происходили активные миграционные и ассимиляционные процессы. Отсутствие могильников этого периода крайне усложняет вопросы хронологии этого периода. Поэтому исследователи вынуждены оперировать лишь материалами поселений, в основном их керамическими комплексами.

К концу VI в. до н.э. перестают функционировать основные могильники постмаклашеевской культуры, носители этой культуры покидают район обитания (Чижевский, 2008, с. 91), в этот же период заканчивается первая фаза развития ананьинского металлургического очага (Кузьминых, 1983, с. 171). В свою очередь, на р. Белой появляются памятники нового типа. Это поселения с керамикой, продолжающей традиции постмаклашеевской культуры Казанского Поволжья и устья Камы. Самым ранним из них можно считать Бирское I городище (нижний горизонт), чуть позднее появляются селища Воронки, Михайловское и Курмантау, а также Касьяновское городище (Овсянников, 2014). Вместе с ними синхронизируются могильники Уфимский (по ул. Тракторной) и Старший Шиповский (Пшеничнюк, 1982, с. 103). С появлением этой новой волны постмаклашеевского населения ситуация в Прибелье резко меняется. Носители постмаклашеевских традиций становятся культурной доминантой в регионе. На их основе к рубежу V–IV в. до н.э. формируются памятники с раннекараабызской культурной традицией.

Послесловие. Основным препятствием к определению четких критериев для «маклашеевских», «постмаклашеевских» и «курмантауских» керамических комплексов в Прибелье, их выделению и процентному соотношению на каждом конкретном памятнике является, на мой взгляд, отсутствие полноценного исследования имеющихся керамических комплексов, в частности, совмещения статистико-комбинаторных и технологических методов исследования древней посуды. Изучая керамические коллекции бельских памятников, я обратил внимание на значительную варибельность состава теста сосудов (раковина, органика, песок и др.), что, в свою очередь, сильно сказывается на фактуре (внешнем виде) древних черепков.

Статистико-комбинаторная обработка значительных массивов древних керами-

ческих комплексов, проделанная ранее, не учитывала, на мой взгляд, такой важный показатель, как примесь в тесте сосуда, не говоря уже об особенностях гончарных технологий. До сих пор споры ведутся вокруг форм и элементов орнамента. Хотя даже простое визуальное определение состава примеси в глине горшка и учет этой информации при статистических подсчетах дает немало новой информации для размышления (Овсянников, Каюмов, Бабин, 2015).

С этой проблемой связана также ситуация с качеством публикаций керамического материала (данное замечание в полной мере отношу и в свой адрес). Основная масса поселенческого инвентаря, которым оперируют современные исследователи, была опубликована во второй половине прошлого века. Для изданий 50–70-х гг. XX столетия было еще характерно помещение фотографий фрагментов керамики. Полиграфическое качество, конечно, оставляло желать лучшего, но все же такой способ давал неплохую возможность оценить фактуру керамики (например: Збруева, 1952, табл. III; 1959, рис. 6, 7; Вечтомов, 1960, рис. 9–11; Ишмуратова, 1975, рис. 2, 3, 6). К концу XX века рисунки керамического материала постепенно деградируют (я не говорю обо всех изданиях, были и вполне достойные публикации, здесь имеется в виду общая тенденция). Наименее информативными являются публикации так называемых реконструкций, где и абрис сосудов и элементы орнамента выполнены с помощью чертежных приборов (чтобы не обидеть коллег, не буду приводить ссылки). Такой подход почти полностью лишает керамику ее оригинального облика и не позволяет адекватно ее характеризовать и использовать в дальнейших исследованиях.

В последнее время наметился отход от подобных традиций в публикациях. Сейчас все больше и больше появляется статей и монографий с совмещенным фотографическим и графическим представлением керамического материала, не вынуждающего исследователей лично обращаться к коллекциям. Иначе с учетом огромного объема накопленных материалов специалисты лишаются в большинстве случаев составить адекватное мнение о древней посуде хотя бы Волго-Камского региона, не говоря уже о более отдаленных территориях.

ЛИТЕРАТУРА

- Акбулатов И.М., Савельев Н.С., Овсянников В.В.* Разведочные работы на территории города Бирск // АО – 2007 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 333–336.
- АКБ – Археологическая карта Башкирии. М: Наука, 1976. 263 с.
- Ахмеров Р.Б.* Археологические памятники Башкирии ананьинского времени // КСИИМК. 1952. Вып. XLVIII. С. 25–35.
- Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье: Серия препринтов «Научные доклады». Коми филиал АН СССР. Вып. 119. Сыктывкар: ИЯЛИ, 1985. 26 с.
- Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ, 2014. 300 с.
- Бадер Н.О.* Памятники эпохи бронзы на Каме между Чусовой и Белой (по материалам разведок 1951–1956 гг.) // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III / УЗ ПГУ; Т. XII, вып. 1 / Отв. ред. О.Н. Бадер. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1960. С. 111–132.
- Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б.* Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: БГПУ, 2009. 285 с.
- Борзунов В.А.* Хронология гамаюнской культуры // Памятники железного века Камско-Вятского междуречья. Вып. 2 / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдмГУ, 1984. С. 3–7.
- Васильев И.Б.* Дуванейское поселение позднего бронзового века в Башкирии // СА. 1975. № 4. С. 250–256.
- Васильев И.Б., Горбунов В.С.* Бирское поселение // СА. 1975. № 3. С. 149–157.
- Васильев И.Б., Иванов В.А.* Отчет о работах в бассейне р. Белой в 1975 году / Архив ИА РАН. Р-1. № 5652.
- Васильев И.Б., Иванов В.А., Обыденнов М.Ф.* Итоги исследований стоянки им. М.И. Касьянова в Гафурийском районе БАССР // Бронзовый век Южного Приуралья / Отв. ред. М.Ф. Косарев. Уфа: БГПИ, 1985. С. 21–40.
- Вечтомов А.Д.* Основная археологическая карта РСФСР, лист 0-40-98 // Труды Камской археологической экспедиции. Вып. III / УЗ ПГУ. Т. XII, вып. I / Отв. ред. О.Н. Бадер. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1960. С. 175–206.
- Гарустович Г.Н., Савельев Н.С.* Исследования памятников эпохи бронзы – раннего железного века в горном течении реки Белой // Уфимский археологический вестник. Вып. 5 / Ред. В.Г. Котов и др. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2005. С. 93–118.
- Генинг В.Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–136.
- Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). М.: Наука, 1988. 240 с.
- Денисов В.П.* Итоги изучения памятников эпохи поздней бронзы в Прикамье // Второе Уральское археологическое совещание при Уральском университете: Итоги и проблемы изучения археологии Урала / ВАУ; Вып. 1 / Отв. ред. В.Ф. Генинг. Свердловск: УрГУ, 1961. С. 66–75.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.
- Збруева А.В.* Культуры поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры // СА. 1957. № 2. С. 26–46.
- Збруева А.В.* Стоянка имени М.И. Касьянова // Башкирский археологический сборник / Отв. ред. А.П. Смирнов, Р.Г. Кузеев. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1959. С. 47–57.
- Збруева А.В., Тихонов Б.Г.* Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии / Отв. ред. А.П. Смирнов. М: Наука, 1970. С. 40–127.
- Иванов В.А.* Некоторые предварительные замечания о хронологии и периодизации культуры курмантау // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья / Научные труды КГПИ; Т. 220 / Ред. С.Г. Басин и др. Куйбышев: КГПИ, 1977. С. 94–102.
- Иванов В.А.* Население нижней и средней Белой в ананьинскую эпоху: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1978. 177 с.
- Иванов В.А.* Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Отв. ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1982. С. 52–77.
- Ишмуратова Г.Р.* Керамика ананьинских поселений западных районов Татарии // СА. 1975. № 1. С. 51–64.
- Клейн Л.С.* Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. 128 с.

Коренюк С.Н. Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: МНК / ТГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М., 2000. С. 68–79.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. Заосиновское VI поселение в урочище «Красава» // Материалы по археологии Южного Урала / Отв. ред. Н.А. Мажитов. Уфа: БГУ, 1992. С. 57–72.

Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 116–131.

Котов В.Г., Савельев Н.С. Промысловая стоянка «Ташмуруновский грот» в верховьях реки Белой // Уфимский археологический вестник. Вып. 4 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2003. С. 124–127.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 29–55.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 101–137.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛОИА, 1988. 18 с.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИА АН РТ, 2007. 136 с.

Морозов Ю.А. Новые памятники курмантауской культуры в горной зоне верхнего течения р. Белой // Уфимский археологический вестник. Вып. 5 / Ред. В.Г. Котов и др. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2005. С. 119–126.

Обыденнов М.Ф. Археологические памятники верховьев Агидели. Уфа: БЭК, 1997. 204 с.

Обыденнов М.Ф. У истоков уральских народов: экономика, культура, искусство, этногенез. Уфа: Вост. ун-т, 1997. 202 с.

Обыденнов М.Ф. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа: БЭК, 1998. 205 с.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т. Археологические памятники Южного Приуралья эпохи железа (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Уфа: БЭК, 1998. 98 с.

Овсянников В.В. Новые материалы по позднему бронзовому веку Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 5 / Ред. В.Г. Котов и др. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2005. С. 83–92.

Овсянников В.В. Селище Воронки – ранний памятник кара-абызской культуры // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 303–313.

Овсянников В.В., Каюмов И.Х., Бабин И.М. Новые материалы с поселений кара-абызской культуры // Уфимский археологический вестник. Вып. 15 / Отв. ред. В.В. Овсянников. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. С. 85–110.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. V / Ред. Р.Г. Кузеев и др. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Старший Шиповский могильник ананьинской культуры в Центральной Башкирии // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Отв. ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1982. С. 94–105.

Пшеничнюк А.Х., Овсянников В.В. Археологическая карта Иглинского района Республики Башкортостан. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007. 27 с. + 35 илл.

Рафикова Я.В. Археологическое изучение святилища эпохи энеолита Бакшай – поселения эпохи бронзы Ново-Байрамгулово-1 в 2013 году // Вестник ВЭГУ. № 6 (68). Уфа: ВЭГУ, 2013. С. 229–235.

Савельев Н.С. Этнокультурные компоненты лесостепи Южного Приуралья на стадии сложения кара-абызской культуры // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: Материалы XVIII УАС / Ред. Г.Т. Обыденнова и др. Уфа: БГПУ, 2010. С. 235–240.

Савельев Н.С. Памятники эпохи раннего железа горного течения р. Белая (разведочные работы А.П. Шокурова 1961–1962 гг.) // Наследие веков. Вып. 2: МРНПК «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвященной 100-летию со дня рождения краеведа-археолога Анисима Павловича Шокурова / Отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: Наследие, 2011. С. 42–70.

Савельев Н.С. Гафурыйский керамический комплекс Биктимировского городища в лесостепи Южного Приуралья // РА. 2011. № 2. С. 56–66.

Савельев Н.С. Мечи и кинжалы в культовой практике кочевников Южного Приуралья скифо-сарматского времени (пространственный анализ «случайных» находок) // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: Материалы IX МНК «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения Константина Федоровича Смирнова / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: ОГПУ, 2016. С. 241–252.

Савельев Н.С., Яблонский Л.Т. Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы // Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 478–504.

Сальников К.В. К вопросу о происхождении ананьинской культуры // СЭ. 1954. № 4. С. 11–24.

Сальников К.В. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Башкирии // III Уральское археологическое совещание (Уфа, февраль, 1962 г.): ТД. Уфа: БФАН СССР, 1962. С. 30–35.

Сальников К.В. Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Т. II / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1964. С. 67–84.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 407 с.

Халиков А.Х. Некоторые проблемы мезолита, неолита и бронзы в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье // Археология и этнография Башкирии. Т. II / Отв. ред. Р.Г. Кузеев, К.В. Сальников. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1964. С. 43–54.

Халиков А.Х. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры // УЗ ПГУ. 1967. № 148. С. 7–26.

Халиков А.Х. Приказанская культура // СА. 1968. № 2. С. 23–40.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 395 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 129 с.

Черных Е.М. Некоторые итоги изучения культурного слоя Зуевоключевского I городища в Удмуртском Прикамье // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 76–97.

Информация об авторе:

Овсянников Владимир Владиславович, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологических исследований Института истории, языка и литературы УНЦ РАН (г. Уфа, Российская федерация); atliural@yandex.ru

PRE-KARA-ABYZ MONUMENTS OF BEL REGION (CERTAIN HISTORIOGRAPHICAL AND SOURCE STUDY ASPECTS)

© 2017 V.V. Ovsyannikov

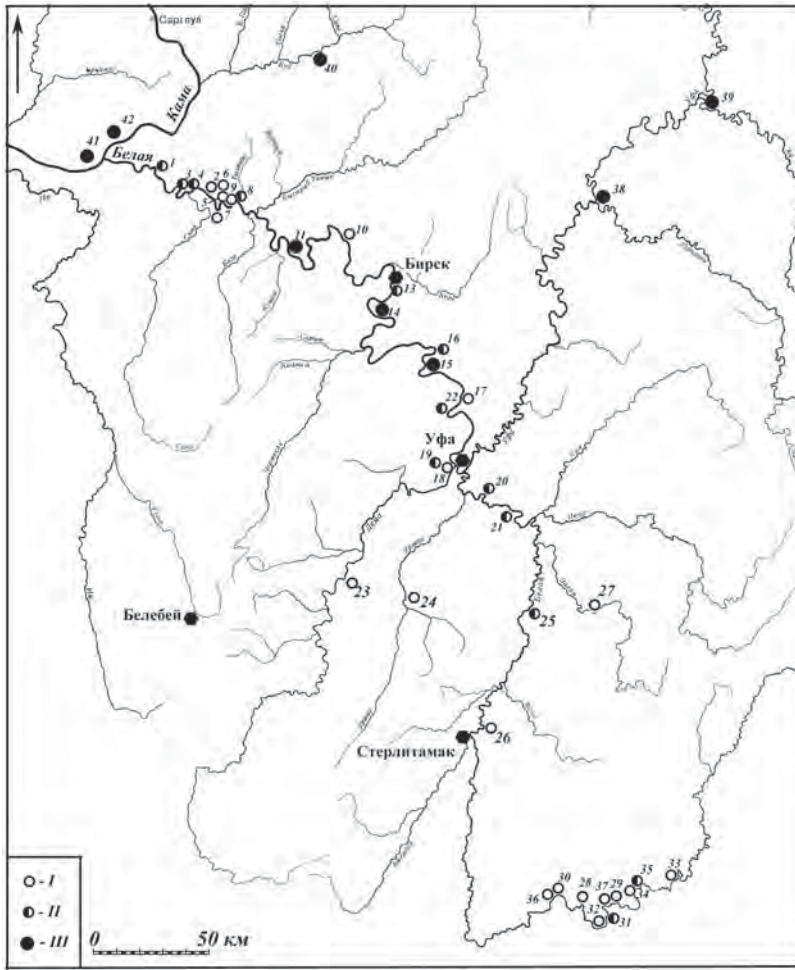
The paper considers the historiographical situation which developed in relation to antiquities from the Bel region (Bashkortostan) at the turn of the Early Iron Age after the Bronze Age. Its primary focus is the settlements of the Kurmantau type and those featuring early cord ceramics which existed in the valley of the Belaya river prior to the establishment of the Kara-Abyz culture. The author considers the change in the views of researchers on the chronology, cultural identity and genetic continuity of Pre-Kara-Abyz sites, and analyses the state of the issue on the basis of contemporary sources.

Keywords: Pre-Ananyino and Ananyino cultural and historical regions, Volga-Kama regions, Bel region, Maklashevo, Post-Miklashevo, Kara-Abyz cultures, Kurmantau and Erzovo types, ceramics.

About the Author:

Ovsyannikov Vladimir V., Candidate of Historical Sciences, Head of the Archaeological Research Department, Institute of History, Language and Literature, Russian Academy of Sciences, Urals Scientific Center (Ufa, Russian Federation); atliural@yandex.ru

Рис. 1. Памятники предкараабызского времени в Прибелье: I – памятники с маклашеевско/курмантауской керамикой; II – памятники с небольшой примесью раннешнуровой керамикой; III – памятники с преобладанием раннешнуровой/среднекамской керамики. 1 – Старо-Кабаново II-III, 2 – Какры-куль, 3 – Старо-Янзигитово; 4 – Кюнь II; 5 – Киргизово IV, 6 – Бурнюш VI, 7 – Медведево VI, 8 – Каинлык I, 9 – Старый Каинлык I, 10 – Камилево (Камелево), 11 – Новобиктово II, 13 – Бирск, 14. – Камьшинка-1, 15 – Андреевское, 16 – Дуванейское, 17 – Турбаслы, 18 – Демское, 19 – Романовка, 20 – Акбердино-1, 21 – Ибрагимовское, 22 – Кумлекуль, 23 – Казангулово, 24 – Курманаево; 25 – Курмантау, 26 – Урняк, 27 – Таш-асты, 28 – Муйнакташ, 29 – Максютово, 30 – Акбута, 31 – Акаваз, 32 – Азануй, 33 – Миндигулово, 34 – Ново-Акбулатово, 35 – Акбулатово, 36 – Кузнецовский, 37 – Саказка, 38 – Усть.Юрюзань, 39 – Усть-Айская, 40 – Таш-Елга, 41 – Каменный Лог, 42 – Быргында.

Рис. 2. Керамика Андреевского селища. Сборы А.П. Шокурова 1958 г. Октябрьский краеведческий музей. Фото автора.

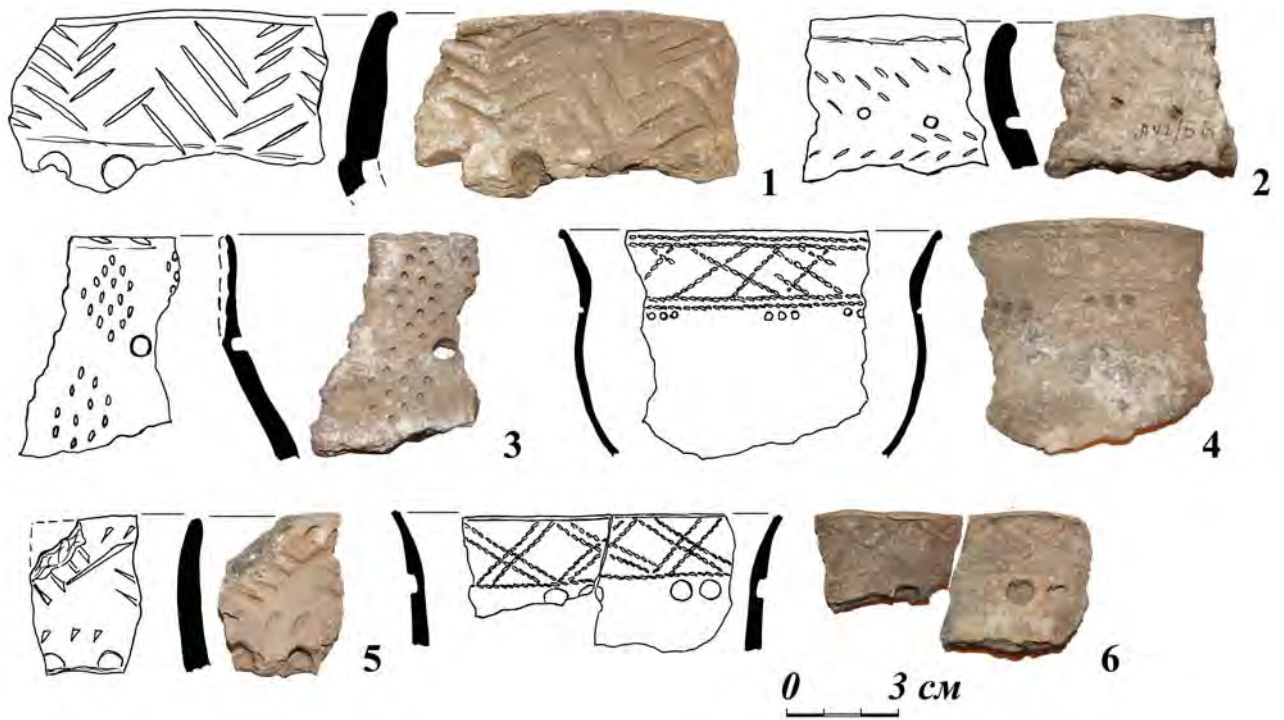

Рис. 3. Керамика Бирского I городища из раскопок Н.А. Мажитова 1959 года. Музей археологии и этнографии ИЭИ УНЦ РАН. 1–3, 5 – постмаклашеевская керамика с примесью раковины; 4, 6 – раннешнуровая керамика с примесью раковины. Фото автора.

Рис. 4. Керамика Ново-Байрамгуловского I (Бакшай) поселения (по: Рафикова, 2013).